

В. И. Савинцев

ВРЕМЯ В ИДЕАЛ-РЕАЛИЗМЕ Н.О. ЛОССКОГО

120

Рассматриваются онтологический и эпистемологический аспекты интерпретации времени в идеал-реализме Н.О. Лосского. Отмечено, что время – форма событий, инициированных субстанциальными деятелями в процессе миротворчества. Проанализированы количественные и качественные характеристики времени. В рамках эпистемологии времени указывается на особенности синхронного и асинхронного аспектов познания субъектом бытийных процессов.

This article discusses the ontological and epistemological aspects of the interpretation of time in N. O. Lossky's ideal realism. It is stressed that time is a form of events initiated by substantial actors in the process of world creation. The author analyses the qualitative and quantitative characteristics of time. The features of synchronous and asynchronous aspects of cognising existential processes by an agent are identified in the framework of epistemology.

Ключевые слова: идеал-реализм, персонализм, время, субстанциальный деятель, метафизика, интенция, познание.

Key words: ideal realism, personalism, time, substantial agent, metaphysics, intention, knowledge.

Н.О. Лосский – один из немногих русских религиозных мыслителей, представивших развернутую доказательную концепцию понимания метафизики времени как формы становления мира. Среди предшественников и современников Лосского, оказавших влияние на его темпоралистское мышление, следует назвать Платона, Аристотеля, Плотина, Августина, Г.В. Лейбница, И. Канта, Л.М. Лопатина, А.А. Козлова, С.Л. Франка, А. Бергсона, идеи которых были критически осмыслены и творчески развиты русским мыслителем.

В современной метафилософии и философии науки действуют два подхода в интерпретации времени: *научный* (объектное сознание), рассматривающий время как физическую данность, отображенную в общенаучных и частнонаучных теориях, концепциях и парадигмах, и *рефлексивный* (рефлексивное сознание), в рамках которого осуществляются размышления над сущностной стороной времени, его свойствами и спецификой восприятия сознанием. Рефлексивный подход может включать знания, полученные в рамках научного подхода, однако они необходимы не для проведения расчетов, отображающих развитие локальных или глобальных физических процессов, а для порождения целостного, универсального представления о «механизмах» функционирования времени в системе общих принципов понимания бытия.

В темпоральной концепции Лосского, прекрасно осведомленного в актуальных вопросах психологии, физиологии, математики, физики, ведущим становится рефлексивный (метафизический) подход в понимании времени. Более того, философ, осознавая, что научное знание при всей значимости его исследовательских возможностей создает лишь формализованное представление об устройстве и функционировании мира, неоднократно настаивал на необходимости введения в науку метафизического умозрения, «оживляющего» знание. «Исследуя материальную природу и проникнув до таких низших основ ее, как электроны, протоны, атомы, молекулы, современный ученый, — пишет Лосский, — стремится выразить все строение их в пространственных моделях. Ему следовало бы дополнить свои специально научные исследования метафизическим умозрением: тогда он усмотрел бы, что все пространственно и временно оформленное есть не бытие, а бывание, есть действие, производимое субстанциальным деятелем, который сам есть нечто сверхпространственное и даже сверхвременное... Если бы физики учитывали эти возможности, перед ними открылись бы бесконечно многие новые пути построения смелых гипотез, которые вывели бы их из затруднений» [2, с. 218].

Итак, специфика метафизического метода Лосского выражается в эпистемологической возможности: а) видеть и мыслить мир, а соответственно, и его пространственные и временные формы в динамике (бывание); б) допускать присутствие неких сверхэмпирических начал, создающих этот мир; в) встраиваться в качестве реальной концептуальной основы, усиливающей когнитивный потенциал, в возможные научные теории, мыслящие мир вне привычных схем. Лосский в некоторой степени продолжает русскую традицию построения «цельного знания», преимущество которого — в широте познавательных возможностей и свободе самовыражения, а недостаток — в недоказуемости метафизических аргументов (например, если допустить, что отдельные системы мира творятся внепространственными и вневременными субстанциальными деятелями, то можно ли утверждать, что их деятельность вне критических ситуаций всегда будет неизменной?). Несмотря на противоречивость метафизического подхода Н. О. Лосского, отдельные стороны понимания функционирования времени в мире предстают достаточно эвристичными. Для философии в этом ничего необычного нет: известны случаи, когда альтернативные (внеаучные) виды знаний открывали науке принципиально новые ракурсы видения привычных тем. Рассмотрим специфику темпоральной концепции Н. О. Лосского.

1. Физический и метафизический план интерпретации времени.

По определению Лосского, время «есть форма событий» [3, с. 290]. Из событий, реализующихся отдельно или совместно, переходящих друг в друга, складывается то, что философ называет «быванием», бытием в его непрекращающемся становлении. События наряду с содержательной стороной (о которой речь пойдет ниже) имеют структурирующую их пространственную и временную форму. К характеристикам времени события относятся такие элементы, как «прошлое», «настоящее» и «будущее», а к характеристикам взаимосвязи событий —

понятия «прежде», «после», «смежность», «удаленность» друг от друга. В анализе формы времени событий Лосский различает количественные и качественные составляющие. К *количественным* относится то, что время, направление которого осуществляется от прошлого к будущему, состоит из мельчайших частей, оно делится до бесконечности: здесь можно говорить не только о веках, годах, минутах, секундах, но и сотых, тысячных и еще меньших долях секунды. Константной частью времени выступает «момент». Лосский поясняет, что было бы ошибкой думать, будто время есть совокупность моментов. Проявление времени — это взаимосвязь метрической и информационной компонент (для обозначения такой взаимосвязи Лосский использует понятие «длительность», хотя у него оно имеет иное значение, чем у Бергсона). Если секунда или какая-либо ее часть несут минимум длительности, то «моменты не имеют никакой длительности. Следовательно, сколько бы моментов мы ни взяли, из них нельзя получить дления времени, вроде того как, взяв бесконечное множество нолей и суммируя их, нельзя получить из них единицу» [3, с. 291]. Обращает на себя внимание близость темпоральных характеристик «момента» у Лосского и понятия «теперь», представленного в «Физике» Аристотеля. Оба мыслителя постулируют идею наличия во времени пустого предела, который, не имея содержательной стороны, вместе с тем служил бы ограничителем и одновременно связкой одной части времени (прошлого) с другой (будущим). Таковым у Аристотеля является «теперь» [1, с. 35–37], а у Лосского — «момент».

К *качественным* характеристикам времени Лосский относит внеположенность его частей в отношении друг к другу. Хотя первая, вторая, третья и далее секунды и составляют единый ряд ддящегося времени, но качественно они внеположены друг другу. При этом, несмотря на внеположенность частей, временной поток является «сплошным». Заметим, что Лосский для обозначения темпоральной динамики применяет термин «непрерывность», но дополняет его другим, еще более уточняющим специфику дления времени термином — «сплошность». По Лосскому, быть сплошным не значит не содержать в себе переходов. Быть сплошным значит осуществлять постоянную смену моментов, выражая собою неизменное единство становления. «Непрерывность ряда моментов, — пишет мыслитель, — не есть сплошность: между каждыми двумя моментами есть промежуток, в котором течет время. Следовательно, время более чем непрерывно: оно — сплошное» [3, с. 291].

Есть еще одно важное свойство времени — его «раздробленность». Здесь Лосский говорит уже не о времени как таковом, а о временном отображении содержания события. Каждый новый момент сменяет следующий, готовясь быть смененным другим. В результате, размышляя о происходящем, даже в относительно статичных ситуациях мы имеем дело с обновленной и обновляемой реальностью.

Но откуда берется время? До сих пор речь шла о метрических характеристиках времени, часть которых была хорошо известна уже античным мыслителям. Оригинальность темпоральной концепции Лосского заключается в разработке вопроса о внутренней, метафизической стороне проявления времени — о его трансцендентном источнике. Заметим, что в конце XIX — начале XX в. метафизические концепции ис-

толкования бытия сходили на нет, дав дорогу позитивистским, эволюционистским, иррационалистским («философия жизни»), естественно-научным направлениям, акцентировавшим внимание на том, что время, как и пространство, имеет свои начала не в Абсолюте, а в самом бытии, под которым подразумевались как природа, так и рефлектирующее в отношении к ней сознание. Для Лосского, рассматривающего мир как «органическое целое», важным было выявить такие основания, которые, как ему виделось, обеспечивают стабильность бытийных процессов. Таковые обнаружены им в работе «субстанциальных деятелей». Субстанциальные деятели – вневременные и внепространственные сущности, представители «идеального бытия», которые многообразием своих проявлений организуют бытийные процессы «реального бытия». Говоря о «внепространственности» и «вневременности» субстанциальных деятелей, Лосский имеет в виду их принадлежность вечности. Однако этот характерный для метафизических систем термин приобретает в его учении нетипичное значение: «Слово “вечность” означает здесь не бесконечную длительность, которая все же была бы течением во времени, а нечто гораздо более своеобразное: полную свободу от временных определений (краткость, продолжительность, предшествование чему-нибудь, следование за чем и т. п.), неприменимость их к “я” в такой же мере, как, например, числу десять не присущи цвета. Субстанция не только находится вне времени, но еще и господствует над ним, что и означает словом сверхвременность» [4, с. 11–12]. Итак, термином «вечность», контекстуальным синонимом которого у Лосского выступает термин «вневременность», характеризуются не пребывание субстанциальных деятелей в состоянии неизменного покоя в отношении к изменяющемуся миру, но функционирование их в особых внепространственных и вневременных условиях, обеспечивающих постоянную творческую работу по созиданию пространственного и временного мира, а также главенство над ним. Осознать наличие иного, не реального плана бытия субстанциальных деятелей предельно сложно. Их деятельность усматривается, согласно Лосскому, в предметной целостности и связанности событий. За всяким предметом реального мира стоит тот, кто порождает свойства предмета, их определенным образом группирует, обеспечивает функционирование в пространстве, а также заботится о последующей перегруппировке элементов предметной реальности. Применительно к событиям можно утверждать, что вне регуляции субстанциальных деятелей каждое из них исчезало бы в небытие, тогда как субстанциальные деятели, во-первых, обеспечивают переход событий из настоящего в прошлое, а во-вторых, формируют между событиями детерминистские связи.

По мысли Лосского, бытийный мир представляет собой тонкую взаимосвязь двух бытийных планов – «идеального бытия» и «реального бытия». Лосский пишет: «Словом *реальное* бытие я обозначаю *события* (то есть нечто возникающее и исчезающее во времени), динамически активно осуществляемые во времени или пространственно-временной форме в том аспекте этих форм, вследствие которого части события существуют вне друг друга. Словом *идеальное* бытие я обозначаю все свободное от пространственного и временного раздробления, то есть все, что вовсе не имеет форм пространства и времени или обла-

дает ими в том аспекте их, который обуславливает взаимопроникновение внеположенных частей, трансцендирование их за пределы себя» [2, с. 197]. Итак, представители идеального бытия, субстанциальные деятели, свободные от «пространственного и временного раздробления», вступая во взаимодействие друг с другом, формируют событийность реального мира, функционирующего в формах пространства и времени. Какими же динамическими характеристиками обладают субстанциальные деятели?

Желая показать особый онтологический статус субстанциальных деятелей, Лосский постулирует идею их «единосущия». Этот термин, пришедший в метафизику из богословия (Лосский его заимствовал из работ П. А. Флоренского), необходим для того, чтобы подчеркнуть тождественность, нетварность, вечность, непостижимость пределов абсолютности субстанциальных деятелей. Принцип «единосущия» выражается в следующем: с одной стороны, субстанциальных деятелей разного порядка совершенства бесчисленное множество, притом каждый из них сомодостаточен, но, с другой стороны, в координированном бытии они представляют собой единое динамическое целое. Любимый пример Лосского — человеческий организм, в котором на всех уровнях проявления его бытия (клетки, ткани, органы и пр.) наблюдается согласованность. Бытийные интересы, проявляемые каким-либо из субстанциальных деятелей, становятся интересами большинства субстанциальных деятелей. Единство субстанциальных деятелей не качественное, не количественное, а сверхприродное.

Однако, объясняя специфику формирования субстанциальными деятелями предметно-событийной реальности, Лосский использует уже иную терминологию: «Материальные процессы суть действия отталкивания и притяжения, производимые сверхвременными и сверхпространственными субстанциальными деятелями. Действия отталкивания и притяжения создают непроницаемые объемы и обуславливают движение их; как процессы, имеющие пространственно-временное оформление, они образуют сферу материального бытия. Такие пространственные и в этом смысле *внешние* обнаружения субстанциального деятеля не могут возникнуть без *внутренних* процессов усилия и стремления, определяющего направленность действия на какой-то объект, в такую-то сторону и т. п. Эта внутренняя сторона процесса, служащая привычным исходным пунктом его, отличается от внешней тем, что не имеет пространственной формы: это временной, а не пространственно-временной процесс. В своих высших проявлениях это *психический* процесс, а в низших — *психоидный*» [4, с. 114]. Итак, рассуждая о специфике бытийного становления, Лосский подразумевает, что «внешние» процессы детерминируются «внутренними» (психоидными или психическими), и если материальные процессы выражаются в пространственно-временной форме, то предшествующие им психоидные или психические процессы — только во временной. С точки зрения классической метафизики в таком суждении ничего экстраординарного нет (эмпирическое бытие выражается в формах пространства и времени, идеальный мир — лишь в форме времени), однако, если вдуматься в описание формирования материального бытия, предложенное Лосским, мы получим не одну, но, по крайней мере, две, а то и

три длительности, оформляемые единым временным порядком: во-первых, процесс прохождения психоидного или психического акта (усилие кого-то, стремление кого-то), во-вторых, пространственно-временная реализация событий материального мира (процессы притяжения, отталкивания) и, в-третьих, мы допускаем еще один вид длительности — время согласования и перехода (преобразования) от замысла к реализации. И если процессы замысла и реализации в материальном мире у Лосского подчинены овременению, то ситуация перехода от замысла к реализации — нет, что лишним раз подчеркивает ограниченность интерпретационных возможностей метафизической концепции по сравнению с естественнонаучной.

2. Эпистемология времени.

Гносеологическое направление, развиваемое Лосским, обозначается как интуитивизм. Полемизируя с ведущими направлениями XVIII — начала XX в., Лосский выдвигает и защищает основополагающий гносеологический принцип: в акте познания предмет, оставаясь частью внешнего мира, всецело включается в состав сознания личности. Это объясняется тем, что человеческое «я» — субстанциальный деятель — имеет, согласно гносеологической координации, органическую связь с миром. Гносеологическая координация — условие связи, но само познание возможно на основе реализации разного типа интенциональных актов — целенаправленных когнитивных действий по выявлению нового знания. В предыдущей части статьи было выяснено, что в онтологическом плане субстанциальные деятели, используя процессы притяжения и отталкивания, производят материальный мир, формами же существования которого являются пространство и время. Но каким же образом субстанциальные деятели высшего порядка, наделенные «психическими» способностями, этот мир осмысливают? Во всей ли полноте, во всем ли объеме им оказывается доступным временной аспект познаваемых явлений, процессов и состояний?

Поскольку субстанциальное «я» относится к сверхпространственным и сверхвременным сущностям, оно находится как бы над временем, и явленные временные состояния мира оказываются доступными ему во всей полноте. Лосский пишет: «Субстанция не только находится вне времени, но еще и господствует над ним, что и означает словом “сверхвременность”. Это особенно ярко обнаруживается в таком свойстве души, как память: “я”, будучи вне времени и стоя выше его, не находится ни близко, ни далеко от своих переживаний, то есть от событий, в которых проявляется его субстанциальная сущность: поэтому оно способно охватывать единым взором целый более или менее длинный отрезок событий, содержащих в себе не только настоящее, но и прошлое, а также нарождающееся будущее; напр., слушание мелодии и наслаждение ею было бы невозможно без этого господства над временем. Мало того, “я” способно направлять свое внимание вновь и вновь на события, отошедшие в область прошедшего, двадцать и более лет тому назад: они опять приобретают актуальное значение и стоят перед моим умственным взором как живые» [4, с. 10–11]. Итак, по Лосскому, «переживающее» субстанциальное «я» реализует свою сущность в событиях, которые, как мы знаем, на уровне своего психического осуществления обретают временную форму. Выступая инициатором этих со-

бытий, с одной стороны, и оставаясь свободным от пространственно-временной обусловленности мира — с другой, субстанциальное «я» равным образом способно обращаться к каждому из фрагментов этих событий (настоящему, прошлому и будущему) и актуализировать их (воспоминания, провидения и пр.). Но во всей ли полноте происходит это обращение? У Лосского дается двойственное решение этого вопроса. Можно сказать, что в его рассуждениях присутствует как *синхронный*, так и *асинхронный* подход.

Синхронный подход, проявившийся в вышеприведенной цитате, выражается в том, что событие на всех этапах реализации дано субъекту познания во всей полноте. Принцип таков: свершаемое событие (например, звучащая музыка) во время свершения синхронно запечатлевается сознанием. Аргументация следующая: 1) субстанциальное «я», находящееся над временем, как бы «господствует» над ним; 2) звучание инструментов выступает поводом для восприятия субстанциальным «я» мелодии; 3) субстанциальное «я» не только имеет дело с настоящим свершения, но на любом этапе может осуществить интенциональное обращение к иным фрагментам события (например, к частям мелодии, прозвучавшим ранее), не нарушая его единства. Асинхронный подход иной: «...различая интенциональный акт и предмет, на который он направлен, и усматривая независимость бытия от акта сознания и познания, — пишет Лосский, — мы понимаем, что время существования наблюдаемого предмета в громадном большинстве случаев иное, чем время акта наблюдения. Слушая мелодию и наслаждаясь ею как целым, я имею в сознании теперь начало ее, существовавшее несколько секунд тому назад; единым актом сознания, длящимся небольшую долю секунды, я могу охватить как целое мелодию, длящуюся более минуты. Мало того, свой акт сознания я могу направить в форме воспоминания на события, совершившиеся вчера, год назад и т. д.» [2, с. 147]. В этой ситуации процесс познания свершается с некоторым запозданием: интенциональный акт задействуется в тот момент, когда бытийный процесс уже свершается. Как видим, ни о каком «господстве» субстанциального «я» над временем бытия, трансцендентного по отношению к сознанию, не может быть и речи, поскольку в момент наблюдения субъект приспособляется к пространственной, временной, содержательной составляющим свершающегося события. Конечно, согласно принципу гносеологической координации, в момент познания предмет становится всецело имманентным сознанию, но событийный образ, формируемый сознанием при использовании различных интенциональных инструментов, будет отличаться от самой реальности, поскольку и образ, и предмет объективной реальности относятся к разным временным пластам. Однако принцип сверхвременности здесь также соблюден. Он выражается в том, что, оставаясь неизменным по отношению к иницилируемым событиям, субстанциальное «я» способно к ним обращаться не только в момент их свершения, но и после него, что проявляется в феноменах памяти и «ясновидения во времени». Для Лосского, как и для Бергсона, память выступает активным компонентом поддержания целостности воспринимаемого времени. Однако если

у Бергсона субъект познания, обращаясь к воспоминаниям, получает их содержание во всей полноте, в учении Лосского акцентируется внимание на избирательности памяти.

Так, опираясь на достижения современной психологии, Лосский отмечает, что в редких случаях «эйдетизма» воспоминание сопоставимо с первичным и вторичным восприятием. В этой ситуации, основываясь на содержательной полноте и ясности воспоминания, эйдетики с «чувственной полнотою» способны усматривать в образах прошлого то, что не было ими актуализировано в моменты восприятия. В большинстве случаев память оставляет лишь частичную информацию о былом, лишённую динамической связи с актуальной телесностью субъекта. Такого типа информация имеет, согласно Лосскому, качество «пониженной реальности» и, несмотря на то, что в ней отображен ход прошлого, это прошлое функционирует лишь на подсознательном уровне. Избирательностью отличается и способность к «ясновидению во времени». «Ясновидение во времени, — пишет Лосский, — есть созерцание субъектом события раньше его возникновения. Так, Гёте, расставшись с любимой им девушкой Фридерикою, на пути домой увидел самого себя едущим навстречу верхом в серой с золотом одежде. Через восемь лет он действительно ехал по этой дороге повидаться с Фридерикою и был одет именно в тот необычный для него костюм, который был на нем в видении» [2, с. 185]. «Ясновидение во времени возможно при условии координации субъекта со всеми предметами мира, наличием всего космоса в предсознании субъекта и возможностью случаев, когда стимулом для опознания этих данных служат не раздражения органов чувств, а какие-либо другие условия — иногда психофизиологические, а иногда и чисто душевные или духовные» [2, с. 184]. Лосский не даёт более детальных объяснений этому явлению, однако исходя из принципа «все имманентно всему» можно полагать, что различные субстанциальные деятели с различной степенью вовлечены в процесс миротворчества: для некоторых из них предельным оказывается лишь учреждение сиюминутных событий, иные же, наряду с событиями настоящего, способны улавливать, удерживать и актуализировать события прошлого, а порой, опираясь на свои духовно-душевные возможности, лицезреть и события грядущего, что, собственно говоря, и позволяет миру пребывать в пространственной и временной целостности.

Итак, в учении идеал-реализма Н. О. Лосский развивает метафизическую концепцию понимания времени. Согласно персоналистским принципам, заложенным в русской философии ещё неолейбницианцами А. А. Козловым, Л. М. Лопатиным и С. А. Алексеевым-Аскольдовым, время — не атрибут материального мира, но форма проявления миротворческой деятельности субстанциального «я». Подобный ракурс понимания позволяет осмысливать специфику проявления времени не только в эмпирической реальности, но, что самое главное, в сознании субъекта, творящего и осмысливающего эту реальность. В связи с этим познающему сознанию оказываются доступными как инструментальные характеристики времени, необходимые в научном познании, так и метафизические, раскрывающие сложность и противоречивость отношений вневременных и внепространственных деятелей («я») к внешнему миру.

Список литературы

1. *Гайдено П.П.* Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. М., 2006.
2. *Лосский Н.О.* Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М., 1999.
3. *Лосский Н.О.* Идеал-реализм (из книги «Общедоступное введение в философию») // Его же. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М., 1999. С. 290–348.
4. *Лосский Н.О.* Типы мировоззрений. Введение в метафизику // Там же. С. 4–134.

128

Об авторе

Вячеслав Игоревич Савинцев — канд. филос. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта. Калининград.

E-mail: vyacheslav-savincev@yandex.ru

About the author

Dr Vyacheslav Savintsev, Associate Professor, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: vyacheslav-savincev@yandex.ru